

*Лене,
которая была
колокольчиком*

Люди!
Будет!
На солнце!
Прямо!

Владимир Маяковский
«Я и Наполеон»

Часть первая

Она открыла портал, и коллективный разум встретил ее на полпути. Внутри было по-тропически жарко, и шел снег, и первая снежинка метели всего, что есть, легла ей на язык и растаяла.

Дизайн ногтей крупным планом — камушек из открытого космоса — фасеточный глаз тарантула — шторм на поверхности Юпитера, похожий на персики в сиропе — «Едоки картофеля» Ван Гога — чихуа-хуа, взгромоздившийся на чей-то эрегированный член — дверь гаража с красной надписью из баллончика: ХВАТИТ! НЕ ПИШИ БОЛЬШЕ НА МЫЛО МОЕЙ ЖЕНЕ!

Почему портал ощущался таким камерным и интимным, когда тыходишь туда лишь затем, чтобы *быть везде?*

Она вертела в руках гладкий зеленый шарик стеклянного дня, искала тонкую трещинку, которая выпустит ее наружу. Такие вещи не дела-

Патриция Локвуд

ются насильно. Снаружи висел плотный воздух, и тучи сбивались в комья диванной набивки, и на южной окраине неба был крошечный уголок, где хотела случиться радуга.

Потом — три глотка кофе, и окно распахнулось.

■ ■ ■

Кажется, мир переполнен уже до отказа, хе-хе, прислал сообщение ее брат, тот самый, кто под конец каждого дня уничтожал себя персональной кометой под названием «Огненный шар».

■ ■ ■

Капитализм! Было важно его ненавидеть, хотя он давал тебе столько возможностей добывать деньги. Она постепенно склонялась к позиции столь философской, что даже Иисусу было бы трудно ее принять: она должна ненавидеть капитализм, и в то же время ей никто не запрещает любить киношные интерьеры крупных универмагов.

■ ■ ■

Политика! Проблема в том, что теперь у них был диктатор, подобных которому, по мне-

нию некоторых людей (белых), у них еще не было никогда, а по мнению других людей (всех остальных), только такие и были всегда, непрерывно, с начала времен. Ее пугала собственная тупость — и то, как звучал ее голос, когда она говорила с людьми, еще не переставшими тупить.

Проблема в том, что диктатор был очень смешным, что, видимо, справедливо для всех диктаторов всех времен. Абсурд как он есть, размышляла она. Внезапно все эти странные русские романы, где человек превращается в ложку смородинового варенья на своей летней даче, начали обретать смысл.

Какая у нее родилась красивая фраза, яркое глубокомысленное изречение, ради которого она утром вскочила с постели, чтобы сразу его записать? Она открыла блокнот с радостным предвкушением, как всегда в таких случаях, — может быть, это наконец она, эпохальная мысль, которую выбьют на ее надгробии. Там было написано:

«chuck e. cheese» запросто может проесть дыру у меня сами-знаете-где

Когда мы умрем, размышляла она, тщательно натирая мочалкой ноги под колючими струями воды, потому что недавно узнала, что многие люди не моют ноги, когда принимают душ, — так вот, когда мы умрем, нам покажут маленькую круговую диаграмму, где будет отмечено, сколько времени жизни мы провели под душем, мысленно споря с людьми, которых никогда даже не видели. Как будто такое времяпровождение было хоть чем-то хуже постоянного тщательного мониторинга толщины стенок бровных хаток, чтобы понять, насколько суровой будет зима.

Присутствуют ли в ее поведении стереотипии? Она очень боялась, что да.

Что было всегда:

Солнце.

Ее тело и едва заметное рифление у корней волос.

Почти музыка, разлитая в воздухе, нестройная, странная и закрученная, как разноцветные нити пряжи, разложенные в ожидании.

Заглавная песня детской телепередачи, где манекены в универмаге оживают по ночам.

Анонимные кадры на канале «Истори»: миллионы солдат в серой форме на марше, самолеты с акульими рылами, гладкий, как шелк, взлет снарядов, ядерные грибы.

Серия «Правды жизни» о девушке, которая любила намазаться маслом, забраться в котел с овощами и представлять, что сейчас придут каннибалы и съедят ее всю. В эротическом смысле.

Почти сформировавшаяся не-мысль: По мне кто-то ползет???

Жгучий стыд за все это, абсолютно за все.

Куда подевалась прежняя тирания, тирания мужа над женой? Она подозревала, что большая часть этой энергии произвола была перенаправ-

Патриция Локвуд

лена на диковатые идеи о пищевых добавках и на жаркие обсуждения, точно ли винил звучит «теплее» и какие из бытовых кофемашин — просто *дерьмовый привкус кофейного христа во рту*. «Сто лет назад ты работал бы в угольной шахте и у тебя было бы четырнадцать детей, все по имени Джейн, — размышляла она, наблюдая, как муж тычет пальцем в жену в витрине с кухонной техникой. — Двести лет назад ты сидел бы в кофейне где-нибудь в Гёттингене и встряхивал бы ежедневную газету перед тем, как погрузиться в насущные вопросы дня — а я вытрясала бы перины и простыни из окна и не умела бы читать». Но ведь тирания всегда ощущалась как нечто обыденное, разве нет?

■ ■ ■

Ошибочно думать, что все остальные живут менее насыщенной жизнью, чем ты. К тому же не так уж она и насыщена, твоя жизнь.

■ ■ ■

Объем случайно воспринятой информации растет день ото дня, и воздействия этого вала еще не известны. Повсюду льется поток сетевых дневников. Стоило ли прислушиваться, например,

к разговорам подростков? Надо ли было усердно следить за комплиментами, которые деревенские шерифы отпускают сияющим порнозвездам, не понимая, что их комментарии видны всем остальным? А что насчет этой ветки обсуждений, где женщины выясняют, что у них у всех есть одинаковый шрам на колене? «У меня тоже есть такой шрам!» — написала белая женщина, но ее быстро и эффективно заткнули, потому что это совсем не одно и то же — она вломила без приглашения в нашу *нашесть*, и мир, в котором она получила свой шрам, — это полностью другой мир.

Каждое утро ее накрывала лавина подробностей, экзальтированных деталей: фотографии завтраков в Патагонии, девушка наносит основу под макияж сваренным вкрутую яйцом, шибаину в Японии скачет с лапы на лапу, приветствуя хозяина, призрачно бледные женщины постят фотографии своих синяков — нарастает давление, мир смыкается все теснее, паутина человеческих взаимосвязей становится такой плотной, что почти превращается в цельный искрящийся шелк, но день по-прежнему не раскрывается перед ней. Если ей дали возможность все это увидеть, это наверняка что-то значит?

Если она начинала кусать нижнюю губу, как бывало почти всегда после молочно-циветтовой горечи утреннего кофе, она шла в ванную, где стена за окном густо заросла плющом, и аккуратно красила губы вызывающе яркой красной помадой оттенка фортепьянного фетра — словно вечером собиралась пойти в андеграундный клуб, где она будет голой, как пустое пространство на месте недостающей пайетки, и сожмет все закатное облако человеческих чувств в стихотворение из шести слов.

Что-то болело в затылке. Это было ее новое классовое сознание.

Каждый день их внимание должно обращаться — как отблеск солнца на боках стайки рыб, у всех и сразу — к новому объекту ненависти. Иногда это военный преступник, иногда — просто кто-то, кто не соблюдает единственно правильную рецептуру гуакамоле. Ее саму интересовала не столько ненависть, сколько стремительная смена вектора, словно их коллективная кровь разом вскипала и принимала решение.

Будто они были биологическим видом, от природы плюющим ядом или испускающим облака черных чернил на морском дне. В смысле, вы же читали статью о разумности осьминогов? Вы же читали, как осьминоги выходят маршем из моря на сушу, послушным и гладким войском?

«А-ха-ха!» — рассмеялась она новым смехом, каким стало модно смеяться в последнее время, за просмотром короткого видео с людьми, которых выбросило из сорвавшейся с аттракциона кабинки на ежегодной ярмарке в столице Огайо. Траектории их полета были дугами чистой радости, расчертившими воздух, их футболки как будто стекали с тел; смотрите, на что способна людская плоть, когда она уступает надлому судьбы, а потом...

«Что тебя так рассмешило?» — спросил муж, бочком присев на кресло и свесив ноги через подлокотник, но она уже прокрутила всю ветку комментариев и прочитала, что один человек скончался на месте и еще пятеро находятся в критическом состоянии, и неизвестно, выживут они или нет. «О боже! — прошептала она, когда поняла. — Господи боже, нет!»

Каждый вечер, ровно в девять часов, она отбрасывала свой разум. Отвергала его, будто веру. Отрекалась, как от престола, во имя любви. Она шла к холодильнику, открывала его и вдыхала прохладную свежесть, оставляла влажные отпечатки на запотевшем горлышке бутылки и наливала что-нибудь в стакан, всегда прозрачный и кристально чистый. В эти минуты она была счастлива, хотя и тревожилась каждую ночь — как никогда не бывает со знанием, — точно ли этого будет достаточно.

Внутри портала какой-то мужик, три года назад постивший только пошлятину вроде: «Я дебил с хроническим геморроем», — теперь призывает сограждан открыть глаза и проникнуться идеями социализма, который вдруг оказался единственно верным из всех путей.

Ее местоимение, с которым она никогда и не чувствовала особенной близости, уходило все дальше и дальше прочь от нее на портале,

неслось сквозь пространства *нас* и *его*, *мы* и *они*. Иногда оно возвращалось, садилось, почти невесомое, ей на плечо, как попугай, повторяющий каждое ее слово, но больше никаким боком не связанный с ней самой — попугай, доставшийся ей от ныне покойной прибабахнутой тетки, заявившей на смертном одре: «Справляйся как можешь!»

Но в основном все сводилось к *ты*, *тебя*, *с тобой*, *о тебе*, до тех пор, пока она не переставала понимать, где кончается она сама и начинается вся остальная толпа.

Мы все видели легендарную фотографию, где моряк целует медсестру на Таймс-сквер в Нью-Йорке в день победы над Японией. Мы все ее видели и думали, что понимаем смысл запечатленного на снимке мгновения — но теперь эта женщина, девушка с фотографии, вышла из тени молчания и заявила, что не знала этого человека и что ей было страшно, когда он, совершеннейший незнакомец, ее целовал. И только тогда ее левая рука, смазанная в трепещущее пятно, неудобный залом ее спины, локоть моряка, давящий ей на шею, сразу становятся очевидными.

Патриция Локвуд

«Я его видела впервые в жизни», — заявила та женщина, но вот же он — на фотографии, вот же он — в нашем сознании, держит ее, как победу, и не отпустит уже никогда.

■ ■ ■

Разумеется, именно те, кто называет себя просвещенными людьми, тырят больше и чаще всего. Они первыми осваивают новый сленг. Чтобы показать... что? Что они не такие, как все? Что они знают, что именно надо красть? Да, на них всегда больше вины. Но вина не стоит вообще ничего.

■ ■ ■

Появилась новая игрушка. Все над ней потешались, но затем стало известно, что ее придумали для аутистов, и больше никто над ней не потешался, зато теперь потешались над теми, кто смеялся над нею сначала. Потом кто-то нашел в каком-то музее каменный «прототип» возрастом в миллион лет, и это вроде бы что-то доказывало. Еще кто-то выяснил, что происхождение этой игрушки как-то связано с Израилем и Палестиной, и все заключили негласное соглашение вообще о ней не говорить. Все это произошло в течение четырех дней.

Она открыла портал. «Мы все так и будем вот так трепыхаться до самой смерти?» — спрашивали люди друг друга, как прежде спрашивали: «Мы уже в аду?» Нет, не в аду, размышляла она, а в некоей приемной, где горят флуоресцентные лампы, и разложены давно устаревшие журналы, и люди ждут, когда можно будет войти в память истории, и скрашивают ожидание, листая древние номера «Родителей Луизианы» или «Иллюстрированного коневодства».

Именно в этом пространстве, где мы пребывали на грани потери тел, тела становились предельно важны, именно в этом великом плавленом пространстве нам было важно, как правильно говорить: *лимонад* или *газировка*, — и как готовила твоя мама, с чесночной солью или с измельченными дольками настоящего чеснока, и чем украшены стены у тебя дома, оригинальными произведениями искусства или фотографиями всей семьи, сидящей на бревнах на фоне бутафорских фонов, и есть ли у тебя оранжевый пластиковый контейнер. Тебя увеличивали, как картинку, до рассыпчатой зернистости, тебя вы-

Патриция Локвуд

носило в открытый космос; это было братство людей, но вместе с тем мы еще никогда не были так далеки друг от друга. Ты все увеличивал и увеличивал это теплое зернышко, пока оно не превращалось в холодный пиксель луны.

■ ■ ■

— Что ты делаешь? — спрашивал муж тихо и как бы с опаской и повторял свой вопрос вновь и вновь, пока она не обращала к нему пустой взгляд. Что она *делает*? Он разве не видит, что ее руки полны сапфиров мимолетных мгновений? Он разве не знает, что сегодня какой-то мужчина-феминист выложил в Сеть фотографию *своей* голой груди?

■ ■ ■

Она прославилась простым, коротким постом: *Бывают ли у собак близнецы?* Только и всего. Бывают ли у собак близнецы? Уже дошло до того, что подростки шлют ей в комментариях эмодзи с плачущей рожицей. Они еще учатся в школе. Они запомнят «Бывают ли у собак близнецы?» вместо даты заключения Версальского мира, которую, если уж начистоту, она не знала сама.

Тем не менее именно этот пост принес ей известность. Со всех концов света ее приглашали выступить с лекцией, рассказать — голосом, словно идущим из облачного хранилища, — о новых способах коммуникационного взаимодействия, о новом течении информации. Она сидела на сцене рядом с мужчинами, больше известными по интернет-никам, и женщинами, рисовавшими себе брови так контрастно и густо, что они выглядели совершенно безумно, и пыталась объяснить, почему объективно смешнее писать «чиххатъ» с двумя «х». Это было не то чтобы очень похоже на реальную жизнь, но в наше время ничто на нее не похоже.

В Австралии, где она почему-то была особенно популярна, она сидела на сцене под плавающими прожекторами с собратом-экспертом по интернету, который явно гордился своим канадским происхождением и зримо зализывал волосы гелем по 32 доллара за тюбик. Он говорил убедительно и интересно, хорошо разбирался во многих предметах, но он был в кибер-штанах вроде тех, что носили мы все в те далекие

Патриция Локвуд

времена, когда искренне верили, что лихо прокатимся по интернету, как на скейтборде. Он никогда не снимал кислотных рейверских очков, словно защищаясь от слепящего света киберпространства, исходившего от солнца, которое он постоянно носил с собой, всегда точно на линии взгляда, и это солнце было звездой будущего, вставленной в старую костяную глазницу неба.

«*Чиххат*» смешнее, да?» — спросила она у него.

«Безусловно, — ответил он. — *«Чиххат»* по любому смешнее».

■ ■ ■

На выступлениях в нее вселился, как она его называла, демон лицедейства — абсолютно отдельная личность, к которой у нее не было доступа во все остальное время. Она, эта личность, была не только внутри, но и немножко снаружи; она высекала из ее тела картинные жесты, как искры из огнива. Каждый раз, когда она смотрела свои выступления в записи, ее обуревал тихий ужас. Кто эта женщина? Кто ей сказал, что ее можно выпускать к людям?

«Проблема! — Она говорила воинственно, как малоизвестная суфражистка. К туши на ресницах прилипла какая-то иноземная мошка, во рту ощущался вкус кофе, который в Австралии все время варят по-разному и ставят выше латте. Публика в зале смотрела на нее ободряюще. — Проблема в том, что мы стремительно приближаемся к тому моменту, когда все наши ругательства будут включать в себя фразы вроде *«Не долби мой дофамин, вебсайт!»*».

Почему она выбрала полное погружение в портал? Она точно знала, что это связано с цепным ребенком во дворе. Ее прабабушка, ипохондрик, каких поискать, держала своего первого сына во дворе перед домом, на привязанной к столбу цепи, чтобы всегда видеть в окно, чем он занимается. Она предпочла бы иное происхождение по материнской линии — женщины-авиаторы, разбитные любительницы джаза, международные шпионки, все было бы лучше, — но у нее был только цепной ребенок во дворе, и ее это не отпустило.

Кажется, в каждой стране есть газета под названием «Глобус». Она покупала эти газеты везде, куда бы ни приезжала, клала на прилавки свои канадские доллары, фунты и кроны, но часто бросала их недочитанными ради сиюминутности портала. Потому что, когда ты читаешь новости — ежеминутно, строчку за строчкой, — тебе всегда хочется высказаться о текущих событиях, разве нет? Тебе хочется высказаться о текущих событиях, даже если это всего лишь ЧТО?!

Даже если это всего лишь ГЫ!

Это было такое пространство, в котором она знала, что должно произойти; где она всегда выбирала верную сторону и правильное направление; где вся вина лежала на ходе истории, а не на ней; где она не читала не тех писателей, не воодушевлялась идеями не тех вождей, не ела мяса не тех животных, не аплодировала на корриде, не называла годовалых детей годовастиками, не верила в фей, духов и спиритическую фотографию, а также в чистоту крови и предначертания судьбы; не делала лоботомию своим дочерям

О таком не говорят

и не посылала своих сыновей на войну; где она не подвергалась влиянию течений, волн и штормов умонастроений своего времени — что обычно доступно лишь гениям, но даже гении бьют своих жен, бросают детей, щипают служанок за задницы, в принципе имеют прислугу. Она наблюдала, как век приближался к концу, и знала, чем все обернулось. Все решили суровые небеса в длинной черной судейской мантии, и она проплыла поверх этих небес, и увидела все-все-все, в перемотке от настоящего к прошлому, и отвернулась в испуге перед собственным ослепительно-ярким днем.

— Колониализм, — прошипела она, обращаясь к красивой колонне, и экскурсовод посмотрел на нее с беспокойством.

Каждая клеточка в ее теле звенела от напряжения. Она пыталась возненавидеть полицию.

«Начните с малого и постепенно наращивайте обороты, — подсказала психотерапевт. — Для начала попробуйте возненавидеть полисмена Биг-Мака, классового предателя, не дающего другим обитателям «Макдоналдса» получить те гамбургеры, которые им нужны. Но, когда грянет переворот, мы отдадим бургер его головы на съедение — за все его злодеяния». Но этот совет только обескуражил ее еще больше. Ее *психотерапевт* была радикальнее ее самой?

Все дело в том, что ее отец был полицейским, известным тем, что подвергал совершенно излишнему обыску с раздеванием старшеклассников из той же школы, где училась она, его дочь, — тех, кого он останавливал за вождение в пьяном виде. Это означало помимо прочего, что ей было непросто обзавестись ухажером.

Патриция Локвуд

А если какой-нибудь ухажер все-таки появлялся, сразу подразумевалось, что она будет главной в их паре.

■ ■ ■

В детстве она часами не могла уснуть, одолевая одним-единственным вопросом: *как сами французы понимают, что они говорят?* Однажды она спросила у мамы, и та тоже не знала. Получается, проблема была унаследованной.

■ ■ ■

потеряла способность учиться, загуллила она поздно ночью. потеряла способность учиться с тех пор, как лишилась девственности.

■ ■ ■

У нее было тайное удовольствие: фразы, которые понимает лишь половина всего населения Земли, а лет через десять и вовсе никто не поймет.

жуткие британские ведьмины ямы

секс на луне будущим летом

что значит «сючка»?

что значит «опустить в кукурузину»?

такова стоимость моего веганского обеда

штаны горят нога болит

У нее онемела подушечка указательного пальца. Так ухо становится розовым, мягким и волглым, в окружении влажных узоров из тонких завитков волос, когда слишком долго болтаешь по телефону.

Иногда, когда она повторяла себе под нос слова *нет, нет, нет* или *помоги, помоги, помоги*, муж подходил к ней со спины и клал руку ей на затылок, как викторианская нянюшка. «У тебя творческий кризис?» — спрашивал он, и она молча кивала и прибегала к верному способу выйти из ступора: нагуглить красивые фотографии жареной курицы — может быть, потому, что сейчас это становится основным женским занятием.

У него не было этой проблемы, в нем не росли метастазы слова *больше* и слова *еще*. Он всегда брал ровно столько, сколько необходимо, и ему было достаточно. Однажды она спросила, что он хотел бы съесть перед смертью, и он сразу ответил: «Банан. Не хочу умирать с тяжестью в животе».

Сто лет назад она назвала бы кота Пушком или Царапкой. Сейчас она назвала его Доктором Вжопедыра. Без вариантов. «Доктор Вжопедыра», — звала она по ночам, почти в отчаянии, пока он не подходил к двери с яркими перьями ее человеческой гордости в пасти, а потом исчезал за порогом полосатой волной.

Небо в Бристоле истекало медовым закатом. «И это ваш вклад в развитие общества?» — спросил какой-то мужчина, потрясая распечаткой ее поста «*Бывают ли у собак близнецы?*».

«Да», — сказала она тонким голосом. Ей хотелось добавить, что она очень активно пропагандировала идею «сургучного маникюра», когда

наносишь на кончик ногтя большую неаккуратную красную кляксу, что, в свою очередь, подготовило почву для «мании 1776», ироничной эстетики, воспринявшей внешнюю атрибутику отцов-основателей, но тот мужчина уже отвернулся, скривившись от отвращения, разорвал пополам лист с распечаткой и ушел восвояси. Может быть, и хорошо, что ушел. Англичанину ее объяснения наверняка показались бы несмешными.

Уже потом в очередь тех, кто хотел пообщаться с ней лично, встал молодой человек с тонкой мальчишеской фигурой; он встал последним и дождался самого конца. «Я читал ваш дневник», — сказал он, когда подошла его очередь, и ее глаза заблестели от слез. Дневник, который она вела, когда с ней еще ничего не случилось! Дневник, где она отпускала такие шутки, за которые в нынешние времена могут запросто уволить с работы!

«Какое у вас было имя?» — спросила она, и он ей сказал, и в ее венах вскипел тихий восторг. Она тоже читала его дневник, его жизнь была одной из ее любимых. Она помнила все до

Патриция Локвуд

мельчайших деталей: пинты пива после работы, поездки туда-сюда на электричке, его поиски самого острого карри, воображаемый сумрак, царивший в его квартире, заставленной ящиками с редкими записями давно позабытых исполнителей, зеленоватая зыбкая нежность всего, что есть. Она поднялась и обняла его, не смогла удержаться. В ее руках он был хрупким и ломким, как канал связи.

Наши мамы вечно шлют нам эмодзи с неприличным подтекстом. Подмигивающий смайлик с высунутым языком — на день рождения, длинные ряды из трех голубых хлещущих капель — когда идет дождь. Мы говорили им тысячу раз, что не надо так делать, но они нас не слушают. Пока они живы и любят нас, наши мамы, которые разрывали себя, чтобы произвести нас на свет, так и будут слать нам виртуальные персики в персиковый сезон.

НЕ НАДО СЛАТЬ МНЕ БАКЛАЖАНЫ, МАМ! — написала она в ответ на мамино сообщение. МНЕ НЕИНТЕРЕСНО, ЧТО ТЫ ГОТОВИШЬ НА ОБЕД!

В парке на скамейке рядом с ней две женщины обсуждали мощь солнечного затмения. Темой их обсуждения был вопрос, можно ли от него ослепнуть. Можно ли ослепнуть, если выйти на улицу во время солнечного затмения и смотреть только в землю? Может ли ослепнуть собака, если ты выведешь ее на прогулку? Надо ли задергивать шторы, чтобы домашняя кошка случайно не выглянула в окно? Можно ли ослепнуть, робко спросила одна из женщин, глядя на *фотографию* солнечного затмения? На картину с изображением солнечного затмения, на текст с подробным его описанием? Если ты вдруг ослепнешь, будучи очень и очень старым, как ты поймешь, что именно вызвало слепоту: возраст или солнечное затмение? Шедшее рядом с тобою, бок о бок, в черно-пламенной тишине, и дожидавшееся своего часа.

Разумеется, когда случилось солнечное затмение, диктатор смотрел прямо в небо, чтобы показать всем и каждому, что даже природа над ним не властна.

Было трудно понять, какая форма протеста против нынешнего режима будет наиболее действенной. На следующий день после выборов ее муж проснулся с неодолимым желанием набить на лице татуировку. «Либо слезинку под правым глазом, либо череп на все лицо». В итоге он остановился на слове ХВАТИТ! очень мелкими буквами прямо под линией роста волос, где его было почти и не видно.

В память о жертвах терактов 11 сентября постояльцам отеля будет предложен бесплатный кофе и мини-маффины с 8:45 до 9:15

Раньше эти сообщества нам навязывали извне, вместе с их внутренней атмосферой. Теперь мы выбираем их сами — или думаем, что выбираем. Ты регистрируешься на сайте исключительно для того, чтобы смотреть фотографии своих племянников, а лет через пять уже веришь в теорию плоской земли.

Вот что странно: стало появляться все больше и больше историй об охотницах за нацистами, о женщинах, которые заманивали нацистов в глухие леса обещанием секса и там их убивали, о женщинах, раздевавшихся догола у ворот Освенцима, чтобы отвлечь охранников, а потом вырывавших у них автоматы одним проворным нагим движением. Где были эти истории в ее детстве? В историях ее детства люди в основном прятались на чердаках и ели по одной картофелине в неделю. Но *эти* истории с обещанием секса и убийствами в глухих лесах, они бы представили все в ином свете.

«MySpace» был целой жизнью, — чуть не расплакалась она в книжном магазине в Чикаго, и люди, пришедшие ее послушать, тут же представили себе фотку парня в белой футболке, с улыбкой глядящего через плечо, и у каждого в голове включилась любимая музыка. — А теперь все потеряно, все потеряно, все!»

В Торонто человек, с которым она плотно общалась в портале, теперь говорил с ней вжи-

вую — голосом, в котором явно присутствовали модные интонации. «Одно время я постил в Сеть свои яйца. Выкладывал обычные фотки гаража или кухни с мудями на заднем плане, потихонечку увеличивая их количество». Она подумала, что первый ответ на подобное заявление должен был быть таким: *Зачем ты так делал?* Но она почему-то приняла как должное, что на каком-то этапе развития человеческой цивилизации у кого-то могут возникнуть вполне убедительные причины, чтобы выкладывать в Сеть свои яйца, потихонечку увеличивая их количество. Она посмотрела на его ноги; он был в ковбойских сапогах, по приколу, как иногда по приколу выкладывал свои фотки в огромной ковбойской шляпе и подписывал их: «Я — ковбой». Он был одним из тайных творцов нового коллективного чувства юмора; голос, который она сейчас слышала — тихий и близкий, — уже разнесся пожаром по всему миру.

«Как-то вечером я пошел в бар, где встречались местные блогеры, — продолжал он. — Ко мне подрулил какой-то чувак и вручил визитку с печатной надписью: *Я видел твои яйца*. Он не сказал ни единого слова. И в ту же секунду, как по команде, его приятеля стошнило в мусорное ведро».

«И я подумал, что смешнее, наверное, уже ничего не будет».

Принесли еду, оказавшуюся отвратительной, но так и было задумано: они нарочно заказали самое худшее, что есть в меню, по приколу. «Об этом надо писать, — сказала она, наклонившись вперед, словно под сильным ветром. — Напиши. Но пусть это будет что-то такое... как у Джейн Остин: что-то сказанное за завтраком над тарелкой с холодной бараниной, фатальная ошибка в кадрили, шелест перьев в гостиной». Бледные оттенки лилового, волосок, расщепленный до ДНК. *Социальный роман.*

Она смотрела на его профиль и видела в нем конечную точку цивилизации, полыхающую огнем: корабли на просторах Атлантики, морская болезнь наших предков над бурлящими зелеными водами, тот факт, что он выглядит точно как его сын, чьи фотографии он иногда выкладывал на портале. Если об этом никто не напишет, размышляла она, как мы тогда сохраним их для будущего — ощущения человека на стыке веков, когда он постит в Сеть свои яйца, потихонечку увеличивая их количество?

Уже на выходе, словно в тумане, она вспомнила, что видела эти фотки, давным-давно, мельком и мимоходом. Но момент был упущен.

Патриция Локвуд

Об этом надо было сказать раньше. Он закурил, и она тоже взяла сигарету, чисто по приколу, и сказала ему: «Они все понимают неправильно, да? Уже сейчас, когда люди пишут об этом, они все понимают неправильно».

«О да», — сказал он, медленно выпуская дым из ноздрей, по приколу, и его тон явно подразумевал, что она тоже поняла все неправильно.

Целые субкультуры рождались на форумах, где люди обсуждали свои симптомы кандидоза — в любых его проявлениях. Ты натыкаешься на такой форум совершенно случайно совсем поздней ночью, когда лениво печатаешь в окне поиска: почему я все время такая усталая, почему я уже не могу выучить наизусть семиминутный монолог, почему мой язык не такой ярко-розовый, каким был в детстве. (На самом деле в три часа ночи в голове остаются лишь два вопроса: *Я умираю?* и *Меня кто-нибудь любит?*) Ты находишь форум страдающих кандидозом — светящийся у обочины ночного шоссе бессонницы и сулящий теплый прием, — заходишь внутрь, распахнув манящие створки дверей, и они тут же захлопываются у тебя за спиной. Ты быстро учишься кандидозно-

му языку; что начиналось с податливой и упругой словесной игры в скором времени превращается в застывший жаргон, потом — в доктрину, а затем — в догму. Твое поведение неуловимо меняется, чтобы избежать унижений, порицаний и дисциплинарных взысканий на форуме страдающих кандидозом. Ты пытаешься предугадать аргументы своих оппонентов, споришь с ними под душем, тщательно промывая волосы, тусклые и ломкие от кандидоза. Если на форуме страдающих кандидозом появляется гений харизмы — кто-то, кто подвигает всех остальных к ранее недоступным высотам риторики, импровизации и остроумных ответных реакций, — на форуме может родиться новый жаргон, который поначалу будет непонятен вообще никому из посторонних, а потом превратится в единый всемирный язык.

Также не исключен вариант, что ты бросишь мужа ради этого парня.

Следующим утром ты просыпаешься совершенно разбитая — в глаза как будто сыпанули песка, язык еще менее розовый, чем накануне, — и люди, скользящие мимо тебя на работе, кажутся менее реальными, чем живая и яркая ветка дискуссии на форуме страдающих кандидозом, которого, может, и не было вовсе.